

В.С. Сергеев

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПАРАДИГМ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00132
«Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации».*

В рамках данной статьи поднимается проблема интеграции понятия социального в концептуальную рамку ведущих интегративных парадигм социологии. С этих позиций проводится сравнительный анализ теории аутопойетических систем Н. Лумана, теории структуризации Э. Гидденса, теории морфогенеза М. Арчер, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теории конструктивистского структурализма П. Бурдьё и акторно-сетевой теории Б. Латура. Производится уточнение роли социального в современной социологической теории.

Ключевые слова: социальное; интегративная парадигма; проблема структуры-агентности; теория.

В последние десятилетия одной из основных проблем социологии является уточнение представления ученых о социальном. За последние 50 лет был сформулирован ряд теорий, в которых были предложены новые подходы к решению проблемы. Необходимость в их разработке была вызвана динамизмом общественных изменений второй половины XX – начала XXI в. В первую очередь переосмыслению подверглись дихотомия структура – агентность и роль социального. Как показали Н. Луман [1], Э. Гидденс [2–4], М. Арчер [5, 6], П. Бурдьё [7, 8], Ю. Хабермас [9, 10], Б. Латур [11], кроме двух классических полюсов теоретической социологии, номинализма и холизма существуют и другие подходы к рассмотрению связи субъективного и объективного. Предложенные ими идеи во многом определяют сегодняшнее положение дел в социологии. Одновременно с этим прошло уже достаточно времени для того, чтобы оценить их потенциал в современных условиях.

Попытки дать всеобъемлющее определение понятия социального предпринимались в разное время. Так, классик социологии К. Маркс связывал социальное с производственными отношениями [12]. В социологическом словаре предлагается следующее определение: «...социальное – совокупность тех или иных свойств и особенностей общественных отношений данного общества, интегрированная в совместной деятельности (взаимодействии) индивидами или групп индивидов в конкретных условиях места и времени и проявляющаяся в их отношениях друг к другу, к своему положению в обществе, явлениям и процессам в общественной жизни» [13. С. 431]. В. П. Тугаринов выделяет социальное в широком и узком смыслах, связывая его с «общественным» и с отношениями внутри конкретной социальной группы соответственно [14]. Ю.М. Резник в общем виде предлагает понимать под социальным «область или сферу реальности, связанную с человеческими взаимодействиями» [15. С. 89]. Альберт и Андерсон предлагают поднять проблему социального на метатеоретический уровень, чтобы избежать различных трактовок понятия на уровне отдельных теорий [16].

С мультипарадигмальностью в социологию пришла некоторая неопределенность по поводу основного направления научного поиска. Мультипарадигмальность преследует лишь одну цель – бесконечное

увеличение пула теорий. Сложно сказать, что эта цель является негативной. Однако у нее нет продолжения. В таком контексте социологам следует после очередной разработанной теории немедленно отложить ее и приступить к разработке следующей. Но ведь это не является самоцелью, хотя и позволяет фиксировать некоторое развитие. Идеалисты сказали бы, что идеальное состояние социологии существует, но оно недостижимо. Реалисты, напротив, убеждены в том, что его достичь можно. И в том и в другом случае теорема Томаса отлично работает. Так или иначе, в рамках данной статьи я буду следовать за импульсом, являющимся классическим для социологии: как ответить на вопрос о природе социального?

В рамках данной статьи предпринята попытка провести сравнительный анализ таких общих и самостоятельных теорий, как: теория аутопойетических систем, теория структуризации, теория социального морфогенеза и морфостаза, теория структуралистского конструктивизма, теория коммуникативного действия и акторно-сетевая теория. Обозначенная выше проблема деактуализации понятия социального в современной социологии требует от нас критического переосмысления итогов современного этапа развития науки. Обозначенные теории являются знаковыми для этого этапа, ведь они позволили не только вступить в него, но являлись его лейтмотивом на протяжении долгих лет. В контексте волнующей нас проблемы проведение подобного сравнительного анализа является особенно актуальным, поскольку это позволит оценить их потенциал для решения насущных теоретических и практических вопросов.

Первым критерием для сравнения теорий является их отношение к проблеме структуры-агентности. Н. Луман отказывает индивиду или группе индивидов в том, чтобы рассматривать их как систему. Вместо этого он определяет поведение индивидов как часть процесса воспроизводства социальной системы. При анализе поведения особое внимание уделяется понятию двойной контингентности. Она, согласно Н. Луману, вносит в поведение индивидов элемент ориентации на зависимость своего поведения от поведения другого и наоборот, поскольку и первое и второе включают в себя неопределенность. «Следовательно, – пишет Н. Луман, – это и есть эмерджентность социальной системы, которая становится возможной

посредством удвоения невероятности и, тем самым, облегчает определение собственного поведения» [1. С. 168]. Кроме чужого поведения, а вернее, знания о его неопределенности, на индивида оказывает влияние процесс произнесения (utterance). На него Н. Луман обращает внимание отдельно, поскольку акт произнесения «инициирует противоположный смысл» [Там же. С. 218] и тем самым усложняет выбор ответного или сопровождающего действия. Таким образом, наше поведение оказывается в ловушке неопределенности и ловушке семантики. Луман отводит социальному действию подчиненную роль в жизненном цикле социальных систем. Но в то же время он пишет: «Без человеческого действия нет никаких социальных систем, и наоборот, человек может обретать способность действовать лишь в социальных системах» [Там же. С. 287]. Здесь мы видим попытку Н. Лумана выйти на объяснение связи между действием и системой с точки зрения их взаимозависимости. Переходя к следующей теории, мы видим, что еще большую степень рекурсивности взаимодействия структуры и агентности пытался обосновать Э. Гидденс. Для этого он ввел понятие дуальности структуры, согласно которому отношения структуры и агентности имеют два уровня анализа. На первом уровне структура предоставляет правила и ресурсы; на втором, в попытке достичь поставленной цели, индивид действует на основе этих правил и имеющихся ресурсов. Действие здесь является столь же важным, сколь предзаданные правила и ресурсы. При этом особый акцент Э. Гидденс делает на «свободе» индивида, конечно же в рамках структурных правил. Мы видим, как оба теоретика стремятся решить проблему структуры-агентности, придав действию структурообразующую функцию. Пусть и в рамках некоторых ограничений, но действие у них осуществляется на основе свободного выбора.

М. Арчер в ряде своих работ критикует теорию структуризации Э. Гидденса [5, 6]. Предметом критики становится дуальность структуры. Структура и агентность, по М. Арчер, не могут находиться на одном уровне анализа. Чтобы аргументировать свою позицию, она вводит эмерджентный уровень в процесс анализа воспроизводства социальной структуры. Таким образом, структура и действие оказываются аналитически разделены, причем первичная роль остается за структурой. Согласно М. Арчер, действие оказывает влияние на воспроизводство структуры, как и у Э. Гидденса, но образовавшаяся в результате этого влияния структура является эмерджентной и по отношению к тому действию, которое произвело ее, и к той структуре, которая предоставила индивиду правила и ресурсы ранее. Здесь мы видим схожесть с Н. Луманом в использовании эмерджентности для того, чтобы избежать жесткого детерминизма. Надо признать, что это оказалось не только успешным логическим приемом, но и имеющим серьезный потенциал теоретическим решением.

П. Бурдьё, в свою очередь, реализовал иной, но не менее оригинальный подход к проблеме структуры-агентности. С одной стороны, он провозгласил свободную конвертируемость капиталов и определил поведение индивида как «социальные импровизации»,

заигрывая, тем самым, с субъективизмом. С другой стороны, при характеристике габитуса он говорит о некоторых «предрасположенностях» к какому-либо типу деятельности. Да, индивид, по П. Бурдьё, импровизирует и совершенно не обязан заниматься той деятельностью, габитус которой он унаследовал. Но само приписывание индивиду предзаданных характеристик не позволяет говорить о свободе в принятии решений в полной мере. Более того, если мы последуем за структуралистскими настроениями П. Бурдьё, минуя очарование импровизирующим агентом, то обнаружим, что его теория не просто так называется структуралистским конструктивизмом: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символическом, языке, мифах и т.п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления» [7. С. 64]. И дальше: «...социальный мир изобилует институтами, которых никто не задумывал и не желал... и столь хорошо приспособленными к тем целям, которые их создатели никогда формально не ставили» [Там же. С. 135]. При глубоком анализе, из просто красивой цитаты это предложение превращается в пророчество посткризисной социологии. Порвать с объективизмом оказывается не так просто, как многие считали. Но шаг вперед сделан, и объективизм уже не является столь же незыблемым, как раньше. Это уже и не объективизм, ведь такое серьезное значение придается действию. Это больше похоже на движение в сторону реализма, причем критической направленности в духе Р. Бхаскара [17].

Следующий объект сравнения – теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса – тоже содержит ориентацию на существование некоторого внешнего по отношению к нашему познанию мира. Поскольку в центре внимания Ю. Хабермаса находится проблема понимания субъектами друг друга, концепт внешнего мира является для него некоторой константой, на основе которой и может состояться это понимание. Вместе с тем Ю. Хабермаса интересует процесс построения социального взаимодействия, первичную роль в котором он отдает коммуникативным актам, одной из функций которых называется координация социального действия.

Мы вновь можем наблюдать некоторую тенденцию к макротеоретизированию, к преданию большей аналитической ценности макропроцессам в вопросе влияния друг на друга структуры и агентности. К середине первого тома «Теории коммуникативного действия» (1984) Ю. Хабермас находит способ уйти от строгого объективизма. Им оказывается возможность индивида избежать влияния «внешних сил» посредством интеграции в свои речевые акты заявки на обоснованность (validity claim), которая, к тому же, может быть подвергнута критике [9. Р. 417]. Подобная интеграция, по Ю. Хабермасу, позволяет индивиду реализовывать его намерения, исходя из собственных целей и планов. В своей работе немецкий ученый фокусируется на языковой составляющей социального, его интересуют процесс произнесения (utterance), конструирования речевых актов, интенция говоряще-

го и восприятие слушающего. Однако вместе с тем мы видим и его компромиссное отношение к проблеме структуры-агентности, которое лучше всего может быть выражено следующей цитатой: «...с каждым речевым актом участники общения связаны одновременно с чем-то в объективном, социальном и субъективном мирах» [9. Р. 418]. Здесь нас интересует утверждение автора о том, что речевые акты нельзя помыслить в отрыве как от объективного, так и от субъективного. И поскольку Хабермас через анализ речевых актов проводит анализ социальных взаимодействий, мы можем говорить, что эта цитата напрямую относится к интересующей нас проблеме и позволяет составить мнение о том, как к ней относился немецкий ученый.

Не менее любопытные разработки были предложены и Б. Латуром. В своей работе «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» (2014) он представляет основные положения акторно-сетевой теории. Среди ее базовых положений оказывается «невозможность оставаться на одной из двух позиций продолжительное время (речь о номинализме и реализме)» [11. С. 239]. В свете проделанного анализа это утверждение может показаться схожим с приведенными выше позициями. Однако, для Б. Латура не существует номинализма или реализма в чистом виде, как и не существует общества в том виде, в котором его принято абстрактно представлять. Провозглашая девиз «следуйте за акторами», он предлагает нам делать это всеми возможными способами. Вместо рамок реализма и номинализма Б. Латур предлагает свободу, вместо ограничений социологического словаря – уникальность словаря акторов. При рассмотрении проблем социологического словаря автор затрагивает тему перевода некоторых явлений на профессиональный язык. Он пишет о том, что мы не должны отказываться от «субстанции, сделанной из социального вещества» [Там же. С. 163] в пользу ассоциаций, возникающих в связи с ней. С одной стороны, мы имеем абсолютно микросоциологический девиз АСТ, который воодушевил не одного исследователя социального действия, с другой – проблему перевода, указывающую, в духе общих теорий XX в., на объективное существование некоторых абстрактных сущностей, которые мы ошибочно подменяем ассоциациями. В рамках АСТ исследователь не является ни инициатором, ни, тем более, куратором собственного исследования. Он может попытаться, но эта попытка будет расцениваться как серьезная ошибка, которая поставит под удар результат всей работы. Акторы знают лучше не только как им действовать, но и что означают их действия. При этом трактовка действий, доступная актерам по умолчанию, оказывается недоступна исследователю, который, в свою очередь, должен, в процессе сборки или «распутывания», постараться избежать замены социальной субстанции простыми ассоциациями. Для Б. Латура проблема структуры-агентности сводится к проблеме перевода, и, следовательно, ее решение состоит в том, чтобы использовать и словарь акторов, и «словарь» внешних объективных субстанций.

Как видим, все рассмотренные теории посткризисного периода, которые мы выделили в качестве ведущих, используют интегративный подход при рассмотрении связи структуры и агентности. Этот схожий базовый принцип, среди прочих отличающихся, демонстрирует нам свой сильнейший социологический потенциал. Еще относительно недавно теоретики пытались заполнить лакуны реализма и номинализма, минуя не менее важную – интегральную. Интеграция в своих теоретических построениях достоинств как реализма, так и номинализма позволяет преодолеть ограничения, существующие у этих направлений по отдельности. Объединение точек зрения, считающихся непримиримыми, требует более глубокой теоретической подготовки от исследователя. Среди положительных сторон подобного объединения можно выделить (1) вариативность теорий в трактовке социальных явлений, (2) их способность в принципе схватывать происходящие с обществом изменения как на структурном, так и на индивидуальном уровнях, (3) их способность не только описать, но и объяснить социальные процессы и, наконец, (4) работоспособность опирающихся на интегральный принцип теорий, выраженная в их «запасе прочности» по сравнению с теориями, опирающимися лишь на один из вариантов (микро- или макро-).

Действительно, в социологии имеет место проблема долговечности теорий, их жизненного цикла. На примере теорий первой половины XX в. (Т. Парсонс, Дж. Мид и др.) мы можем наблюдать, как их пиковая форма и распространенность стремительно сменялись тотальной критикой и забвением [18, 19]. Конечно, не стоит не учитывать диалектический эффект, произведенный этими теориями на социологическое сообщество. Но все же не стоит и переоценивать их потенциал. Социальные изменения второй половины XX в. сыграли свою роль в процессе смены наукообразующего принципа в социологии. Даже здесь мы можем увидеть взаимозависимость контекста и внутренних процессов на примере разворачивания второго социологического кризиса: что к нему привело, сама фаза кризиса, посткризисный период.

Вероятно, использование данных теорий в нынешних условиях невозможно без некоторых корректировок, поскольку эти теории разрабатывались в другом контексте, пытались справиться с несколько иными общественными вызовами. Тогда возникает вопрос относительно того, какие именно корректировки вносить. Любое исследование – произвольно или непроизвольно – разворачивает выбранную для использования теорию в своих интересах. Степень подобной гибкости теории определяется ее базовыми положениями. Они же определяют и ограничения, с которыми может столкнуться исследователь. Рассмотренные выше теории имеют свои собственные ограничения, но вместе с тем они имеют общие возможности, поскольку разделяют базовый принцип взаимовлияния макро- и микроуровней анализа. Да, такое взаимовлияние выражается по-разному, но потенциал этой мысли позволяет говорить о едином векторе развития. Кроме того, если обратиться к методам сравнения Дж. Милля, а именно к методу сходства, то при ответе

на вопрос, в чем причина стабильности выбранных для сравнения теорий в посткризисных условиях, мы ответим: в том, что эти теории в качестве одного из базовых положений используют идею взаимозависимости структуры и агентности.

Следующий критерий сравнения напрямую связан с обозначенной в начале статьи проблемой характеристики социального. Для того чтобы приблизиться к решению этой проблемы, необходимо проанализировать вклад, сделанный предшественниками. Для Н. Лумана нестабильность социальных систем является структурообразующим элементом. Различие, возникающее вследствие того, что индивиды оказываются подвержены двойной контингентности, аналитически выводит нас на эмерджентный уровень анализа. Здесь мы можем обратиться к социальности смысла: «Смысл является единством актуализации и виртуализации, реактуализации и ревиртуализации в качестве процесса (обусловленного системами) с собственной тягой» [1. С. 104]. Перед принятием решения о том, каким образом действовать в конкретной ситуации, индивид оказывается под влиянием, с одной стороны, своих собственных ожиданий, а с другой, – того, как он представляет себе ожидания со стороны оппонента. «...о любом смысле можно спросить, переживает его другой точно так же, как я, или иначе. Таким образом, смысл является социальным не как связь с определенными объектами (людьми), а как носитель своего рода удваивания возможностей понимания» [Там же. С. 124]. Само понимание оказывается как бы внешним по отношению к индивиду, поскольку, во-первых, элементы социальной системы являются таковыми по умолчанию и, во-вторых, поскольку двойная контингентность выводит его на эмерджентный уровень. Но именно это и упрощает выбор ответного действия. Обнаружив себя в ситуации полной неопределенности, индивид находит ориентир в виде неопределенности оппонента и на ее основе выстраивает собственную поведенческую стратегию. Анализ неопределенности оппонента действует как анестезия, и собственная неопределенность оказывается не такой пугающей. «Поглощение неуверенности происходит через стабилизацию ожиданий, а не через стабилизацию самого поведения, что, конечно, предполагает, что поведение выбирается не без ориентации на ожидания» [Там же. С. 161].

Социальное для Н. Лумана неопределенно, зависимо от контекста, но имеет эмерджентный уровень и выполняет структурообразующую функцию. Для Э. Гидденса социальное связано со временем и пространством. В своей работе «Центральные проблемы социальной теории» («Central Problems of Social Theory») (1979) для определения времени и пространства он ссылается на Лейбница: «Понимание времени и пространства возможно только через их отношения с объектами и событиями: время и пространство являются модальностями, в которых объекты и события ‘существуют’ или ‘происходят’» [2. Р. 54]. Наряду с этим Гидденс выделяет виртуальное пространство-время: «Время, пространство и виртуальное пространство-время являются необходимым для конституирования реального» [Ibid. Р. 55]. Эту мысль он

развивает в следующей своей работе – «Устроение общества: очерк теории структуриации» («Constitution of Society: An Outline to the Theory of Structuration») (1984), когда пишет о том, что именно через их интеграцию может быть решена проблема социального порядка [3. С. 181]. Поскольку в анализе Э. Гидденса отсутствует эмерджентный уровень, социальное концептуализируется через структурные компоненты, а именно правила и ресурсы. Они не являются постоянными, поскольку процесс воспроизводства структуры предполагает, по Э. Гидденсу, их изменение в результате их же использования со стороны агентов. Так, социальное одновременно является и определяющим, и определяемым. Оно лишено автономии, которую ей предписывают реалисты, и является рядовой частью процесса воспроизводства структуры.

У М. Арчер, чья теория базируется на реализме, проведена четкая аналитическая граница между социальным, как некоторым эмерджентным свойством структуры, и действием [5]. Поскольку эмерджентность не может быть сведена к агентности, ее трансформирующей или воспроизводящей, постольку социальное не является сколько-нибудь лишенной постоянства характеристикой структуры. Социальность, в рамках теории М. Арчер, приобретает вневременную природу и не зависит от индивида или его знания о ней. Предсуществование и автономность являются неотъемлемыми характеристиками социального, что не приводит к отчаянным попыткам концептуализации и персонализации, а, напротив, изучается в полном соответствии со своими эмерджентными особенностями. Теория П. Бурдьё, в свою очередь, предлагает подходить к анализу социального с точки зрения его первичности по отношению к действию. Для этого он отдельно обговаривает влеченность принципа различия в структуру социального пространства: «...оно [различение] воспринимается в соответствии с категориями, согласованными с этой структурой» [8. С. 26]. Социальное у П. Бурдьё имеет множественную структуру, сообразно полю и капиталу. За счет постоянной борьбы агентов за возможность конвертирования одного вида капитала в другой социальное пространство оказывается очень насыщенным и динамичным. Более того, разнообразие полей вносит дополнительный динамизм.

Ю. Хабермас отмечает двойственность природы социального. Индивиды, являющиеся, на первый взгляд, независимыми друг от друга, оказываются соединены невидимой нитью. Соединены и подчинены, поскольку социальная сила значений речевых актов является внешней по отношению к ним. Индивид работает на производство общества, находясь при этом внутри, и использует знание, существующее независимо от него (жизненный мир). Локальная разобщенность снимается за счет глобальной вовлеченности в единый процесс общественного производства. Индивидуальность агентов, имеющая значение на микроуровне, сливается в единую субстанцию на макроуровне и дополняет собой знание о мире. Как мы видим, Ю. Хабермас тоже использует рекурсивную схему. Однако в его схеме роли распределены таким образом, что активность индивида оказывается,

во-первых, под влиянием социального, а во-вторых, всегда участвует в его воспроизводстве.

Б. Латур отмечает, что особенностью роли социального является построение связей между несоциальными сущностями: «социальное как очень своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [11. С. 19]. В контексте акторно-сетевой теории такое понимание социальной силы выглядит несколько непоследовательным. Б. Латур признает это: «Прыжок от признания взаимодействий к существованию социальной силы – это вывод, логически не вытекающий из посылки» [Там же. С. 93]. Однако переход с фиксирования социальных взаимодействий на более высокий теоретический уровень просто необходим, если Б. Латур хочет добавить своей теории объяснительный потенциал. Но что нас больше всего интересует, так это то, что, по Б. Латуре, «присутствие социального должно каждый раз демонстрироваться заново; его никогда нельзя просто постулировать» [Там же. С. 77]. В духе Б. Латура было бы сказать о том, что социальное – это название не всего макроуровня, а лишь той его части, которую нам удастся зафиксировать через выявление групп проводников и посредников, сетей, переводов. Хотя постоянная реконцептуализация социального в некотором смысле тоже оказывается в духе АСТ. Вероятно, такое понимание социального предписывает ему непостоянство, изменчивость, непредсказуемость и, в конце концов, зависимость от действия.

Как видим, трактовка социального в рамках конкретной теории напрямую зависит от того, какие базовые принципы легли в ее основу. С одной стороны, это обеспечивает стройность теории, но с другой – нередко рождает противоречия, которые вскрывают ее слабые места. На примере нашего сравнения видно, как выбранные изначально теоретические основания в одних случаях облегчили авторам работу над характеристикой социального, а в других – составили реальную проблему. Так, создается впечатление, что Б. Латур намеренно сокращает зону влияния социального в угоду действию, которое он выдвигает на первый план. Н. Луман и М. Арчер придают социальному эмерджентные свойства, чтобы продемонстрировать его отрыв от микроуровня. Компромисс П. Бурдьё в понимании социального как множественного, но одновременно и структурирующего явления оказывается неизбежен, поскольку в ином случае французскому социологу было бы не просто примирить в рамках своей теории структуралистскую посылку и импровизированные практики агентов. Схема Ю. Хабермаса в некотором роде схожа со схемой дуальности структуры Э. Гидденса. И тот и другой используют принцип рекурсии. Но в отличие от Э. Гидденса, для которого структура и агентность – это две стороны одной медали, Ю. Хабермас проводит различие между ними. И когда мы говорим о его рекурсии, то мы говорим скорее о «недокрученной» рекурсии, поскольку объективация индивидуального на структурном уровне является концом жизненного цикла индивидуального (но продолжением жизненного цикла социального). Более того, концепция взаимовлияния микро- и макроуровней оказывается как бы не до конца принятой Ю. Хабермасом, в отличие от Э. Гидденса. Результаты срав-

нения по второму критерию демонстрируют нам ситуацию, при которой теории, находящиеся под крылом посткризисных интегративных разработок, по-разному подходят к рассмотрению проблемы актуализации понятия социального. У них есть общие тенденции, но, как мы показали, в частности существуют значительные расхождения. Вероятно, это связано с тем, что не все базовые положения рассмотренных теорий являются схожими. И того, что мы выявили в первом критерии, оказывается явно недостаточно для того, чтобы все теории развивались по единому вектору. В этом, на наш взгляд, заключается достоинство социологического метода. Разделяя посылку о необходимости характеризовать социальное, в том числе так, чтобы это было в духе интегративной парадигмы, авторы делают это по-разному. Для нас здесь важной оказывается та вариативность, которую может предложить интегративная парадигма.

Попытки сформулировать сколько-нибудь строгое и единое понятие социального, как правило, не имели успеха. В качестве аргумента я использую несколько видоизмененную позицию Б. Латура о научном языке. В приведенной выше цитате Б. Латура о социологическом словаре было отмечено, что ошибкой социологов является подмена социальных понятий ассоциациями. По аналогии с этим я утверждаю, что использование единого понятия социального является не меньшей, а может, и большей ошибкой, которую допускают социологи. При концептуализации социальных явлений мы ограничены имеющимся в нашем распоряжении научным языком. Существуют различные обходы этого ограничения: от заимствования терминов и понятий из смежных наук до рекомбинирования уже имеющихся. И здесь, по моему мнению, возникает главная проблема. С одной стороны, продолжает действовать теорема Томаса, и в нашем случае это реализуется в развитии различных подходов к трактовке социального. С другой стороны, в качестве импульса развития указанной проблематики продолжает существовать вопрос: «Что такое социальное?» Он не требует ответа здесь и сейчас, а, скорее, дает мотивацию на продолжение научных изысканий. В рамках рассмотренных нами теорий и вообще всех теорий, претендующих на сколько-нибудь общее описание социальной реальности, этот вопрос превращается в более прикладной: «Каким образом мы можем зафиксировать работу социального?» Подобное смещение фокуса направляет мысль исследователя от абстрактного теоретизирования к поиску конкретных инструментов, которые могут помочь приблизиться к ответу. Результаты научных поисков авторов выбранных для данного исследования теорий свидетельствуют о том, что нет и не может быть единого понимания социального. В связи с этим снимается вопрос, какая из позиций является истинной, а какая – ложной. Нас больше интересует то, куда конкретная позиция может завести. Так, вместе с М. Арчер мы будем искать ту самую лакмусовую бумажку социального, вместе с Э. Гидденсом – аналитически отождествлять социальное с влияющим на него действием, а с Б. Латуром – иметь социальное ввиду, но не сильно на него ориентироваться. Сосуществование различных подходов к трактовке социаль-

ного положительно отражается на его изучении, ведь конкуренция – один из факторов развития. Однако не стоит принимать за конкуренцию простое наращивание эмпирического и теоретического материала. Принцип мультипарадигмальности предоставляет площадку и для борьбы аргументов, а не только для их мирного базирования.

Схожая позиция по поводу проблемы структуры / агентности еще не означает схожую позицию при характеристике социального. Необходимо иметь в виду, что сам процесс концептуализации является зависимым от базовых положений теории, в рамках которой работает социолог. Соответствовать этим положениям – одна из основных задач, к выполнению которой должен стремиться исследователь. На примере Н. Лумана, М. Арчер, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, П. Бурдье и Б. Латура мы видим, как с этим справляются ведущие социологи посткризисного периода. Таким образом, мы можем сформулировать четыре тенденции, наметившиеся в изучении социального:

- 1) смена фокуса с вопроса о том, что такое социальное, на вопрос о том, как мы можем его зафиксировать;
- 2) эмерджентность / тождественность социального по отношению к социальным отношениям;
- 3) автономность / зависимость социального от остальных элементов анализа;
- 4) стабильность / изменчивость социального во времени (и пространстве).

Эта матрица может помочь избежать ловушки теоремы Томаса, поскольку каждый ее пункт может быть соотнесен с основными положениями теории, в рамках которой проводится конкретное исследование. Еще раз повторим: посылка о том, что бывают истинная и ложная трактовки социального, признается нами не имеющей достаточных оснований на существование. В это же время мы не хотим сказать, в духе П. Фейерабендта, что «возможно все» [20]. Напротив, мы выступаем за строгую последовательность шагов, когда речь идет о концептуализации социального. С нашей точки зрения, такое отношение к проблеме способствует более тщательной ее проработке.

В начале данной статьи нами была сформулирована основная проблема: актуализация понятия социального в современном контексте. Мы видим, что этот исследовательский вопрос вместо того, чтобы привести нас к ответу, привел к развилке. Но он в то же время позволил косвенно установить влияющий на ответ фактор, о котором не спрашивалось. Если у исследователя возникает необходимость концептуализировать социальное, то мы рекомендуем отложить эту идею и обратиться к базовым положениям теории, в рамках которой он работает. Именно они помогут ему понять, «какое из» социальных ему необходимо. Даже так: какое из социальных единственно возможно для него. Через разные очки мы видим один и тот же предмет по-разному. Но это один и тот же предмет, принципиально он не меняется, очки не изменя-

ют его. И до того, как мы подошли посмотреть, предмет находился на своем месте. Репостулирование, попытки найти больше свидетельств социального не имеют ничего общего с изучением социального до тех пор, пока они производятся ради самих себя. Только в тот момент, когда это начнет происходить ради объяснения того, как социальное функционирует, мы можем говорить о развитии. При работе с социальным возникает сложность сопоставления его характеристик с теоретическими основаниями, которые разделяет исследователь. Как видно из примера Б. Латура, включить социальное в АСТ оказалось возможным только через сужение радиуса его воздействия. А поскольку социальное – это в первую очередь макросоциологический концепт, такое решение не выглядит корректным. Чтобы избежать подобного ограничения, необходимо заранее согласиться с тем, что социальному будет предоставлена некоторая автономность. Это один из выделенных нами пунктов, в котором можно с уверенностью выбрать одно из двух. Но интегративная парадигма предполагает взаимовлияние различных уровней анализа, взаимопроникновение и взаимоконструирование. Таковы основные ее послышки. Тогда некоторая часть или, точнее, некоторое состояние социального во времени и пространстве должно быть подвержено влиянию. Это приводит нас к следующему пункту – эмерджентности. Данный концепт позволяет провести аналитическое разделение социального на «до» и «после». И при этом сохранить его автономность. То, как корректно исследовать эмерджентные свойства социального, пытаются решить с помощью теорий М. Арчер и Н. Лумана. Характеристики стабильности / изменчивости тоже оказываются слишком строгими для современного толкования социального. Стабильной оказывается некоторая его часть, которая пополняется из переходящей на эмерджентный уровень другой его части. Как видим, все пункты не могут быть использованы однозначно. Возникает необходимость не столько в постулировании какого-либо свойства социального, сколько в установлении четких границ его противоположных свойств. Это совершенно меняет фокус исследования, но позволяет провести его более эффективно.

Подводя итог, хотелось бы вновь вернуться к основному исследовательскому вопросу. В процессе решения теоретических проблем социологии нередко возникают новые дилеммы. Так произошло и в нашем случае. Сопоставив подходы к определению понятия социального ведущих социологов посткризисного периода, мы обнаружили новую проблему, которая касается соответствия базовых положений теории и требований интегративной парадигмы. Это позволяет говорить о перспективах развития науки и потенциале уже имеющихся в нашем распоряжении разработок. И, вместе с тем, задает некоторый исследовательский вектор на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007. 641 с.
2. Giddens A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L. : Macmillan, 1979. 294 p.

3. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge : Polity Press, 1984. 401 p.
4. Giddens A., Sutton P. Essential Concepts in Sociology. Cambridge : Polity Press, 2014. 229 p.
5. Archer M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 354 p.
6. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
7. Бурдьё П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
8. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
9. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. B. : Beacon Press, 1984. 562 p.
10. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston : Beacon Press, 1987. 457 p.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
12. Morrison K. Marx, Durkheim Weber. Formations of Modern Social Thought. 2nd ed. N. Y. : Sage Publishing, 2006. 465 p.
13. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М. : Норма, 2014. 488 с.
14. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 344 p.
15. Резник Ю.М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, № 1 (2). С. 88–111.
16. Albert S., Anderson H., Conceptual M. Translation: A Metatheoretical Program for the Construction, Critique, and Integration of Theory // Journal of Management Inquiry. 2010. № 19 (1). P. 34–46.
17. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. N.Y. : Routledge, 2008. 277 p.
18. Mills C.W. Sociological Imagination. Oxford : Oxford University Press, 1959. 234 p.
19. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003. 576 с.
20. Фейерабендт П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М. : АСТ, 2007. 414 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 февраля 2019 г.

The Notion of the Social as a Problem for Integrative Paradigms

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 120–127.

DOI: 10.17223/15617793/441/16

Vasily S. Sergeev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svsrmsk@gmail.com

Keywords: the social; integrative paradigm; structure/agency problem; theory.

This article presents a study on the problem of the social and the problem of the structure – agency. The main research question is related to the potential of integrative paradigms in solving the indicated problems. The relevance of the research is connected with the need to clarify the status of the concept of the social for modern sociology. One of the results of the second sociological crisis of the 1960s–70s was the emergence of theories that can be attributed to the integrative wing. N. Luhmann, A. Giddens, M. Archer, J. Habermas, P. Bourdieu, B. Latour proposed their original designs and, thus, opened a new stage in the development of sociology. However, their theories faced certain difficulties. The first was the problem of structure – agency, which was solved either by the author's position of holism or nominalism. The limitations of these polar approaches had to be solved in various ways, but with the help of a single idea of the interdependence of macro- and micro-levels. Another problem inherited from the predecessors was the absence of any concrete concept of the social. Each of the listed theorists described it in his own way. A comparative analysis was chosen as a method, since it allows to make a sufficiently detailed study of the problem of the research. Criteria for comparison were the attitude of the authors to the problem of structure – agency and the authors' characteristics of the social. As a result of the comparative analysis, both similarities and differences of the selected theories according to the relevant criteria have been identified. Not only the authors' final formulations on the issues of interest have been recorded, but also the processes of their generation. A number of restrictions the authors faced have been identified. The author of the article has found that the single premise of the interdependence of structure and agency, which all the authors share to one degree or another, was, in some cases, difficult to integrate into their theories. In some cases, e.g., with Latour or Bourdieu, there are clear concessions that the authors had to make in order to meet the requirements of the integrative paradigm. However, on the basis of the comparative analysis, four main trends in the definition of the social have been identified: (1) change of the focus from the question of what the social is to the question of how we can fix it; (2) the emergence/identity of the social in relation to social relations; (3) autonomy/dependence of the social from the rest of the elements of analysis; (4) stability/variability of the social in time (and space). These trends, in the author's opinion, are decisive in characterizing the concept of the social in modern sociology, since their comparison with the basic ideas of the theory and with the requirements of the integrative paradigm will allow to characterize the social in a dynamically developing society more effectively.

REFERENCES

1. Luhman, N. (2007) *Sotsial'nye sistemy: ocherk obshchey teorii* [Social Systems: An Outline to General Theory]. St. Petersburg: Nauka.
2. Giddens, A. (1979) *Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. London: Macmillan.
3. Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
4. Giddens, A. & Sutton, P. (2014) *Essential Concepts in Sociology*. Cambridge: Polity Press.
5. Archer, M. (1995) *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Archer, M. (1994) Realizm i morfogenez [Realism and Morphogenesis]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 50–68.
7. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical Reason]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the Social Space]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyyas.
9. Habermas, J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. Boston: Beacon Press.
10. Habermas, J. (1987) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 2. Boston: Beacon Press.
11. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorно-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to the Actor-Network Theory]. Translated from English. Moscow: HSE.
12. Morrison, K. (2006) *Marx, Durkheim Weber. Formations of Modern Social Thought*. 2nd ed. SAGE Publications.
13. Osipov, G.V. & Moskvichev, L.N. (eds) (2014) *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological Dictionary]. Moscow: Norma.
14. Tugarinov, V.P. (1988) *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected Philosophical Works]. Leningrad: Leningrad State University.
15. Reznik, Yu.M. (2008) Ponyatie "sotsial'noe" v sovremennoy filosofii i nauke [The notion of the social in contemporary philosophy and science]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. II:1 (2). pp. 88–111.
16. Albert, S. & Anderson, M.H. (2010) Conceptual Translation: A Metatheoretical Program for the Construction, Critique, and Integration of Theory. *Journal of Management Inquiry*. 19 (1). P. 34–46. DOI: 10.1177/1056492609346727
17. Bhaskar, R. (2008) *A Realist Theory of Science*. N.Y.: Routledge.

18. Mills, C.W. (1959) *Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press.
19. Gouldner, A. (2003) *Nastupayushchiy krizis zapadnoy sotsiologii* [The Coming Crisis of Western Sociology]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka.
20. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Translated from English. Moscow: AST.

Received: 11 February 2019